

На северо-востоке холода заявляли о себе сразу после праздника Двойной Девятки, а с приходом зимы ледяной ветер завывал так, что вода застывала на лету. В самые лютые морозы гибла даже домашняя скотина, укрытая густой шерстью. Поэтому на севере хлева на зиму обязательно занавешивали плотными соломенными циновками — спасали животных от пронизывающих сквозняков.

В такую пору дураков пускаться в путь посреди ночи не находилось. На городских воротах ночных гостей держали долго, дотошно обыскивая и расспрашивая. Да и кто станет биться в закрытые створки в глухую полночь? Если бы не тяжелые приказные жетоны в руках провожатых, стража ни за что не отперла бы затворы.

Дин Тянь спал безмятежно и сладко. В его комнате вовсю дышала жаром просторная лежанка-кан, грели побеленные стены-дымоходы, а в глиняной печи тлел огромный сучковатый пень. Чтобы жар не уходил слишком быстро, юноша присыпал угли угольной крошкой — так тепла точно хватит до самого утра. Дин Тянь даже приладил к дымоходу самодельную заслонку: прикрывал её, оставляя лишь крошечную щелку для угарного газа, а драгоценное тепло запирали внутри дома.

На северных окраинах так спасались от стужи исстари. Зарывшись в пухлую ватную постель под тяжелым стеганым одеялом, Дин Тянь сладко сопел. В углу едва теплился крошечный огонек масляного светильника, не больше соевого боба. По уставу тушить его в управе, а уж тем более в тюрьме, строго запрещалось — место казенное, досмотровое. По тем же правилам полагалось держать и ночного тюремного стражника.

Да только где его взять, этого тюремного стражника, если на всю тюрьму — один лишь Дин Тянь? К тому же камеры пустовали, стеречь было решительно некого. Зимой темнело рано, так что юноша давно привык засыпать с первыми сумерками и вставать на рассвете.

И надо же было случиться, чтобы в самый сладкий час в ворота настойчиво постучали.

— Тянь-эр! Тянь-эр! Дин Тянь-эр, проснись!

Голос принадлежал Лю Сэню.

Дин Тянь мигом скатился с кана.

— Иду!

Он торопливо натянул плотный ватный халат, теплые порты и нахлобучил ушанку, которую по его просьбе сшили тетушки. Вышла вылитая шапка-ушанка, только из превосходной овчины — мягкая, непродуваемая и теплая. Обув тяжелые подбитые мехом сапоги, он выбежал во двор и отодвинул тяжелый засов. На пороге стоял Лю Сэнь, который сегодня дежурил в караулке.

— Что стряслось-то среди ночи? — зевая, спросил Дин Тянь.

— Телегу с арестантами пригнали, — выдохнул Лю Сэнь, от которого валил густой пар. — Только что через боковые ворота заехали. Посыльный уже побежал будить господина судью. Давай собирайся быстрее, троих колодников к тебе вести собираются.

Будучи в ладах с маленьким тюремщиком, Лю Сэнь сразу сообразил предупредить его, едва заведев тюремную повозку.

По правилам надлежало держать свободные камеры в постоянной готовности, а зимой еще и протапливать их заранее. Но поскольку заведение пустовало, Дин Тянь не утруждал себя лишней работой.

— Понял. Спасибо, выручил, — отозвался он. Сон как рукой сняло.

Заперев калитку, Дин Тянь поспешил во внутренний двор. Ночных гостей, судя по всему, везли непростых — таких селят в центральном крыле, где содержат особо опасных преступников. Обычные холодные казематы для них не годились.

К счастью, у каждой двери Дин Тянь предусмотрительно сложил по охапке дров и большой корзине угля. Нужно было спешно развести огонь, чтобы прогреть каменные мешки, иначе к утру там станет так же морозно, как на улице.

Первым делом он принялся растапливать печи под канами. Пусть к приходу арестантов воздух хоть немного прогреется, чтобы бедолаги не схватили горячку. В этот суровый век обычная простуда легко сводила человека в могилу, а грех на душу Дин Тянь брать не желал.

Пока разгоралось пламя, он поставил греться огромный чан с водой и достал казенное платье. Строго говоря, никаких казенных роб уездная тюрьма не закупала — Дин Тянь сшил их сам, пустив в дело старую одежду своего покойного отца и дяди. Новым было только нательное белье: парень брезговал грязью, а арестанты с дороги всегда воняли нечистотами.

Кроме того, новоприбывших следовало тщательно обыскать — мало ли, пронесут с собой заточку или яд. Да и телесный осмотр не помешает, чтобы не занесли в тюрьму какую-нибудь заразу.

Все эти порядки Дин Тянь перенес из своей прошлой жизни, когда служил надзирателем в современной колонии. Конечно, тамошние казематы разительно отличались от здешней деревянно-каменной темницы, но базовые правила безопасности работали везде одинаково.

Каны постепенно прогрелись. Он постелил чистые плетеные циновки, разложил крепкое, хоть и залатанное постельное белье, подушки, набитые сухой травой, а в допросной комнате приготовил ушаты с горячей водой и чистую смену платья.

Едва приготовления завершились, как во внутренний двор завели арестантов. Всего трое. Вопреки ожиданиям, на них не было ни тяжелых деревянных колодок-кан, ни железных кандалов. Руки бедолаг просто связали пеньковой веревкой, за которую их и тащили, точно скотину на убой.

Первый разбойник оказался детиной саженого роста. Одет он был в рваный, засаленный овчинный тулуп, серые штаны в бурых пятнах грязи и дырявые растоптанные катанки, из которых сиротливо торчала солома.

Второй выглядел хлипким книжным червем. Одет он был щегольски по тюремным меркам: крепкие ватные штаны, длинный добротный халат, на ногах — новые зимние сапоги, а на голове — теплая шапка. Вот только лицо его выражало такое горькое уныние, будто весь белый свет сговорился против него. Одного взгляда на эту унылую физиономию хватало, чтобы на душе заскребли кошки.

Третий узник выделялся больше всех. Хоть на нем и красовался обычный грубый кафтан да простые порты, обут он был в превосходные сапоги из плотной кожи, подбитые овчиной — в таких не замерзнешь даже на глухом сибирском тракте.

Но диковиннее всего было его лицо. Литые скулы, соболиные брови, гордый и ясный взор. Этот человек ни капли не походил на арестанта, обреченного гнить в сырых застенках. Скорее он напоминал грозного владыку, обходящего свои владения. Конвоиры рядом с ним казались нелепыми карликами; они робели перед его статью и косились на него с явной боязнью, не смея подгонять или окрикивать.

Конвой состоял из пяти человек. Старший протянул Дин Тяню сопроводительные бумаги для сверки. Заметив, как уверенно маленький тюремщик пробегает глазами строчки, он изумился:

— Надо же! Не думал, что здешний маленький тюремщик обучен грамоте.

— Знаю самую малость, только чтобы в указах разбираться, — скромно ответил Дин Тянь, не желая хвастать.

Старший конвоир смерил его оценивающим взглядом:

— И то редкость в наших краях.

Промолчав, Дин Тянь заглянул в свиток и окликнул первого:

— Ху Мацзы?

— Я это, — басовито отозвался великан. — Ху Мацзы и есть.

— Уж точно, имя тебе под стать, — хмыкнул Дин Тянь.

Детина, несмотря на свой богатырский рост, весь был усыпан глубокими оспинами, оправдывая свое прозвище — Рябой.

— Ты, парень, поосторожней с ним. Этот боров — лютый разбойник, — негромко предупредил конвоир.

Дин Тянь выглядел больно уж субтильным, чистеньким и молодым. Прибывшие решили, будто старые тюремные стражники обнаглели и спихнули ночную работу на неопытного юнца, пока сами нежятся на теплых лежанках. Но они ошибались: в этой тюрьме отродясь не водилось других служащих. Парень просто тянул лямку за всех.

— Понятно, — кивнул юноша.

Страх он не испытывал вовсе. В своей прошлой жизни, на экранах телевизоров и в криминальных сводках, он и не таких душегубов видывал. Что ему какой-то захудалый уездный тать? В его мире транслировали суды над наркобаронами и маньяками, чьих преступлений хватило бы на десяток расстрелов.

— Ван Юдэ? — перешел он ко второму. — Второе имя — Цинчу? Надо же, книжник?

В эти темные времена только ученые мужи имели привычку брать себе изысканные прозвища. Простому люду и обычного имени хватало за глаза.

Ван Юдэ в ответ лишь жалко шмыгнул носом:

— У-у-у...

— Ты чего это сырость развел? — нахмурился Дин Тянь. — Посреди ночи выть вздумал? Раньше надо было головой думать, а не теперь слезы лить.

Арестант закрыл лицо руками, плечи его мелко затряслись. Когда так беззвучно плачет юная дева — это зовется благородной печалью и растрогает любого. Но когда сопли распускает взрослый детина, да еще глухой ночью в каземате... У Дин Тяня аж мурашки по коже побежали от омерзения.

— Ван Цзо?

— Хм, — небрежно обронил третий, едва заметно кивнув.

— Вы двое ненароком не родня? — Дин Тянь перевел взгляд с одного на другого. — Однофамильцы?

— Нет, они не из одной семьи, — вмешался старший конвойный, сдавая подопечных.

— Ну что, Дин Тянь, принимай пополнение. Устраивай их как знаешь, а мы побредем к почтовой станции. Завтра чуть свет обратно в путь, рапорты сдавать, так что задерживаться не станем.

Не дожидаясь ответа, служивые спешно развернулись и зашагали прочь. Спины их выражали не столько облегчение от выполненного долга, сколько непреодолимое желание поскорее убраться отсюда. Они буквально сбегали.

Дин Тянь их не задерживал — у него и без того забот хватало. Только он собрался запереть тяжелые дубовые ворота, как из темноты вынырнули Чэн Да и Лю Сэнь.

— Слыхали, к тебе колодников пригнали? — негромко спросил Чэн Да. — Мы решили помочь, все равно дежури́м.

Дин Тянь просиял и покрепче перехватил веревку:

— Вот и ладно, как раз вовремя! А то я думал, как мне одному с этой троицей управиться.

С помощниками дело должно пойти споро. Изначально Дин Тянь подумывал позвать Линь Ци — пришлось бы, конечно, задолжать ему услугу, а потом откупаться шматом соленого сала, но Чэн Да и Лю Сэнь оказались куда более кстати.

— Я там велел воды нагреть. Сначала загоним их в баню, пусть помоются, — обыденным тоном произнес главный тюремщик.

Приятели застыли, уставившись на него с немим изумлением.

— Чего-о? — вылупил глаза Лю Сэнь.

Лютые зимние холода на севере не располагали к водным процедурам. Простолюдины мылись разве что по крайней нужде. Чаще всего обходились без этого до самой весны — зачем зря тратить дрова? А как пригреет солнце и сойдет лед с рек, шли к ближайшей заводи и смывали скопившуюся за зиму грязь. Северный люд изысканными манерами не отличался.

Зажиточные семьи могли позволить себе баню раз в месяц, беднота же мылась от силы раз в зиму, перед праздником Весны.

А тут — арестанты!

— Они же преступники, — насупился Чэн Да. — С чего вдруг такая милость?

— Эх вы, ничего-то вы не смыслите, — заговорщицки подмигнул Дин Тянь. Он подошел поближе и понизил голос до шепота: — Конвойные сказали, что первый — матерый тать. Мало ли, что у этих висельников в отрепьях припрятано? Вдруг за пазухой нож, а в волосах — заточка? Если я их догола не раздену и все швы не проверю, как мне спать спокойно? Тюрьма-то на мне одном держится!

У Чэн Да и Лю Сэня глаза полезли на лоб от осознания. Так вот она какая, тюремная премудрость! Оба закивали с глубоким почтением. Что ни говори, а сын главного тюремщика Дина унаследовал отцовскую хватку. Видно, покойный батюшка загодя обучил его всем тонкостям этого нелегкого ремесла.

Втроем они завели узников во внутреннее крыло. Сразу запирать не стали, а временно распределили по холодным, еще не прогретым казематам.

Все трое вели себя по-разному. Ван Юдэ забился в угол и беззвучно глотал слезы. Рябой Ху Мацзы, не снимая тулупа, улегся прямо на ледяной кан и принялся ворчать под нос:

— Ироды... Хоть бы циновку соломенную бросили...

Лишь третий арестант, Ван Цзо, молча шагнул в глубину камеры, но Дин Тянь вовремя перехватил его за плечо:

— Тебе не сюда. Иди за мной.

Ван Цзо одарил его ледяным, пронзительным взглядом, от которого веяло смертельной угрозой:

— Чего тебе?

— Давай без лишних слов. Пошевеливайся, — Дин Тянь попытался легонько подтолкнуть мужчину в спину... Но тот даже не шелохнулся, словно врос в каменные плиты.

— Куда? — в голосе Ван Цзо прорезался опасный металл.

— Туда, где теплее. Помоешься, переоденешься, — без тени страха залопотал главный тюремщик, натягивая веревку на его запястья. — Парчовых халатов не обещаю, у меня тут не императорский дворец. Твое тряпье я приберу, сохраню в лучшем виде — когда выйдешь или если переведут куда, верну обратно. Слово даю, ничего не украду. Сначала смоешь дорожную

грязь, а там и в теплую камеру пойдешь. Чай горячий я заварил, а вот с едой до утра придется обождать.

Ван Цзо неохотно двинулся следом. Его завели в небольшую помывочную, и прежде чем он успел хоть что-то сообразить, Дин Тянь вместе с Чэн Да и Лю Сэнем скопом навалились на него и бесцеремонно ободрали до нитки!

Очистили начисто, не оставив на теле ни единого лоскута ткани.

Лицо Ван Цзо позеленело от ярости. На скулах заиграли желваки.

— Да вы... мерзавцы! — прохрипел он сквозь зубы.

В эту секунду он всем сердцем поклялся, что при первой же возможности сдерет кожу с этой наглой троицы.

<http://bllate.org/book/19387/1997473>